

Нефедов Филипп Диомидович

**Очерки и рассказы Ф. Д.
Нефедова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф53

Ф53 **Филипп Диомидович Н.**
Очерки и рассказы Ф. Д. Нефедова / Нефедов Филипп Диомидович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 331 с.

ISBN 978-5-519-99334-0

Святки; Девичник; Крестьянское горе; Иван воин; Леший обошел; Без-
образный

ISBN 978-5-519-99334-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С В Я Т К И.

Очерки русской фабричной жизни.

С В Я Т К И.

Очерки русской фабричной жизни.

~~~~~

Передъ нами большое село Данилово. Оно больше многихъ, не только что уѣздныхъ, но даже и губернскихъ городовъ, между тѣмъ какъ типъ его рѣшительно не подходитъ къ типамъ села, уѣзда или губерніи. Это что-то въ высокой степени смѣшанное и склеенное изъ крайне разнородныхъ элементовъ, такъ, напримѣръ: въ Даниловѣ тяжело охаютъ и пронзительно свистятъ паровики громадныхъ фабрикъ, какъ въ Москвѣ, или Петербургѣ, и съ гигантской печалью вздыхаютъ о чемъ-то фабричныя трубы....

Коптятъ эти трубы своимъ дымомъ бѣлыя стѣны купеческихъ домовъ; сушатъ, стоящія вблизи ихъ, деревья; пускаютъ тяжелую, черную сажу по свѣтлой поверхности Даниловскихъ водъ, которыя, обмывши въ себѣ сотни тысячъ пудовъ разноцвѣтныхъ матерій, приготовленныхъ на мѣстныхъ фабрикахъ, начинаютъ течь съ самаго Данилова оранжевыми, красными и зелеными струями, отравляя такимъ образомъ понемножку прибрежныя населенія и вымаривая рыбу.

Часто бываетъ и такъ, что чайка, наклевавшаяся этой рыбы, печально крича и безсильно трепеща на свѣтломъ солнцѣ серебристо-сизыми крыльями, стремглавъ падаетъ изъ подъ обла-

ковъ въ рѣку, или прудъ — и тонетъ тамъ, тщетно высвобаживая красивую головку изъ рѣчныхъ захлестывающихъ наплывовъ....

Эта сторона Даниловскаго ландшафта очень напоминаетъ Петербургъ, когда онъ идетъ по нарвскому шоссе, сопровождаемый Финскимъ заливомъ, съ его заводами, поросшими дремучими камышами, съ его закопченными и постоянно кипящими огненной суетнею фабриками, и, наконецъ, съ его виллами, дачами и парками, нѣкогда великолѣпными, а теперь развалившимися и запустѣвшими.

Походить Данилово также и на Москву, потому что въ немъ есть много высокихъ церквей, синіе куполы которыхъ усеяны множествомъ блестящихъ, бронзированныхъ звѣздъ. Стоять около тѣхъ церквей колокольни, предъ высотой которыхъ, по выраженію строившихъ ихъ даниловцевъ, «Иванъ Великій аршинчика на три, а то, пожалуй, и на всѣ на четыре не выстаиваетъ»; — висятъ на этихъ колокольняхъ гулкіе колокола, по звонкимъ голосамъ которыхъ, во время большихъ праздниковъ, на цѣлыя сорокъ верстъ, служатся заутреня и обѣдни въ окрестныхъ селахъ; но и эти признаки, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ сродствѣ Данилова съ Москвою, тѣмъ не менѣе не даютъ ни одному человѣку, должнымъ образомъ понимающему Москву, никакой возможности согласиться съ даниловцами, которые обыкновенно хвастаются тѣмъ, что «наше Данилово — Москвы уголокъ»....

— Наши-то хозяева — звона какихъ палатъ понастроили! толкуютъ по кабакамъ въ праздничные дни отрепанные фабричные, работающіе у этихъ хозяевъ. — Сколько богадѣлны этой одной понадѣлали, — фабриковъ опять!... Народу этого, сколько отъ нихъ кормится!... Бѣдности, т.-е. *несусьтимою*, будемъ такъ говорить, — *пудамъ* хлѣбъ отпущаютъ.... Да што тутъ толковать, извѣстно: наше Данилово — Москвы уголокъ!... — Петруша! обращается затѣмъ, въ заключеніе

рѣчи, восхваляющій свою родимую сторонущку къ мальчишкѣ, стоящему за кабачной стойкой: — угости, другъ, еще насъ по косушкѣ, въ «раздѣлку» отдамъ!

Это дѣло идетъ въ кабацкѣ; а тамъ, въ громадныхъ зданіяхъ, наружныя стѣны которыхъ очернены дымомъ и сажей, — внутри этихъ зданій, въ дорогихъ, но аляповато меблированныхъ гостинныхъ, идетъ своя рѣчь.

Тамъ, блистая изъ-подъ фрака брилліантовыми жилетными пуговицами, шаркаетъ подагрически-мягкими сапогами новый ораторъ. Онъ говоритъ своимъ многочисленнымъ и плутовски-безмолвнымъ гостямъ:

— Въ Москвѣ, въ Питерѣ все мы, благодаря Бога, удѣлали, за первый сортъ.... Въ Москвѣ мнѣ князь говоритъ: хи, хи, хи! Я ему тоже, понимаете! пушаю баскомъ: хе, хе, хе! Онъ мнѣ и толкуетъ: «На устройство, молъ, школъ, енеральшѣ Любомудровой двадцать пять тыщъ....» Я ему отповѣдь такую даю: — не токма, молъ, двадцать пять тыщъ, а даже, хоша и пятьдесятъ.... Ну, и конечно, што мы съ нимъ изладили въ лутчемъ видѣ.... Сталъ прощаться со мной, по плечу этакъ треплетъ — и говоритъ: старайтесь, старайтесь для Данилова! Оно у васъ «Москвы уголокъ!» Такъ-то вотъ!... Алешка! Дай-ка парочку редерцу съ приѣзда-то поздороваться съ гостями.

Но все-таки, несмотря на ту настойчивость, съ которою самые разнокалиберные даниловцы стараются приравнять къ Москвѣ свое родное обиталище, — московскаго въ Даниловѣ очень мало.

По безчисленнымъ домишкамъ, убожество которыхъ превосходитъ всякое описаніе, сиротливо лѣбящимся около грандіозныхъ хоромъ, нужно бы отнести Данилово къ категоріи селъ. Но и это будетъ не вѣрно!

На улицахъ настоящихъ селъ, съ крестьянскимъ населеніемъ, несмотря на ихъ поражающую бѣдность, все-таки примѣчаются жизненные проявленія, хотя и не особенно живыя

и разнообразныя. Тамъ мужики дружною гурьбой во всю лошадиную прыть промчатся иногда на ближній базаръ, — тамъ дѣти веселыми стаями бѣгаютъ по улицамъ, въ товариществѣ большихъ дворовыхъ собакъ, которыя своимъ лаемъ и прыжками еще болѣе подзадориваютъ ребячью бойкость, — тамъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородою, смиренно проплетется черезъ улицу съ большою кошолкой на спинѣ, наполненной соломой....

Ничего этого нѣтъ на даниловскихъ улицахъ! Все маломальски взрослое населеніе съ самаго ранняго утра уходитъ на фабрики и возвращается только позднимъ вечеромъ. Одна заря, какъ говоритъ пословица, выгонитъ изъ избы, а другая — загонитъ. Собаки даже не бѣгаютъ по улицамъ, потому что бѣдность, прилѣпленныхъ къ хоромамъ, хатъ такова, что тамъ самимъ часто бываетъ на зубы нечего положить, не то что завести собаку и накормить ее....

Большая часть даниловскихъ будней глубоко безмолвна! Заколдованнымъ, мертвенно-нѣмымъ царствомъ глядятъ эти гордые, бѣлые дома, — эти несчастныя лачуги, словно бы ищущія защиты у своихъ громадныхъ сосѣдей — и временемъ развѣ обожетъ, такъ-сказать, мертвую улицу шикарная рысь купеческаго рысака, котораго наѣзживаетъ лютый наѣздникъ, да прокатится карета фабрикантши, отправляющейся отъ скуки съ визитами.

Тишина и безлюдье полныя! И тѣмъ ужаснѣе эти тишина и безлюдье, что ихъ даже не освѣщаетъ и не живитъ свѣтлое небо. Черный дымъ фабрикъ заволокъ его своими непроглядными и, какъ большая рѣка въ сильный вѣтеръ, волнующимися струями — и въ этой тьмѣ слышится только смутное и грозное грохотанье фабричныхъ механизмовъ, да пронзительно-громкій посвистъ паровиковъ, раздающійся въ одно и тоже время сразу въ двадцати мѣстахъ....

— Ишь, говорятъ даниловцы, — ровно лѣшій посвистываетъ!

И дѣйствительно: мертвенность села напоминает суровое молчаніе дремучаго лѣса, а свистъ паровиковъ, ужасающій грохотъ машинъ и какой-то не то стонъ, не то скрежетъ зубовный, по временамъ вырывающійся изъ всего этого металлическаго говора — посвистъ лѣшаго и тѣ ужасы, которыми онъ пугаетъ людей въ своемъ лѣсномъ царствѣ....

Но бываетъ время, когда и въ Даниловѣ проявляется жизнь — и рабочій людъ, населяющій его, отдается шумному веселью и громко заявляетъ о томъ, что и въ Даниловѣ водятся живые люди. Это время — святки. Нѣтъ для даниловскихъ рабочихъ лучше этого времени! Не говоря про молодежь, которая, по выраженію стариковъ, на это праздничное время, «словно съ цѣпей срывается», а и сами старики — нѣтъ да и водочки выпьютъ, и въ карты прикинутъ вмѣстѣ съ молодыми. Молодые, конечно, стараются, при помощи тридцати шести картъ, опредѣлить то время, когда именно къ нимъ придетъ счастье, насуленное имъ съ дѣтства отцомъ съ матерью, или бабкой съ дѣдомъ; старики же болѣею частью пытаются судьбу на счетъ того собственно: выйдетъ ли имъ гробъ въ нынѣшнемъ году, или нѣтъ.

Святки въ Даниловѣ начинаются со втораго дня. Самое Рождество проводится жителями въ необычайной тишинѣ и благочестіи. Собственно говоря, благочестіе соблюдается только до обѣда, а послѣ, смотришь, половина села и перепьется. Однако въ Даниловѣ этотъ день все тихо и смирно — и хоть положимъ, что по избамъ между мужьями и женами безъ сраженій дѣло не обходится, но тѣмъ не менѣе дальше воротъ эти сраженія не заходятъ: помнятъ люди изстари, что великъ на дворѣ праздниекъ Христовъ стоитъ, и какое бы тутъ побоище не случилось, всячески стараются его домашнимъ образомъ кончить и до улицы не доводить. А также воюю-

ція стороны опасаются, чтобы не обезпокоить бранными криками мѣстныхъ богачей, которые, какъ разговѣются, на цѣлый день предаются отдыху и благочестивымъ размышленіямъ. Вотъ потому-то все и тихо въ селѣ на первый день Рождества, потому и пѣсни нигдѣ вечеромъ не услышишь, и пьянаго на улицѣ не увидишь.

Такимъ образомъ, праздникъ начинается только на другой день — и въ этотъ день тихаго, безлюднаго Данилова узнать нельзя. Только что отойдетъ обѣдня, и рабочій людъ успѣетъ отобѣдать, какъ ужъ всѣ и спѣшать оставить избы и торопятся скорѣе за ворота, на улицу. Вездѣ народъ, вездѣ жизнь! Сѣрые армяки, полушубки и зипуны перемѣшались съ суконными чуйками, лисьими шубами и разноцвѣтными женскими нарядами, — все запестрѣло и зарябило, отовсюду раздается говоръ, смѣхъ и громкія пѣсни.

— Карпычъ! будетъ тебѣ читать — пойдемъ гулять, говорилъ рѣзчикъ Гаврило Ивановъ своему пріятелю, рисовальщику, сидѣвшему за книгою. — Ноньче сватки, народъ празднуетъ, а мы изъ избы не выходимъ. Благо, у меня жены дома нѣтъ. Пошли бы, выпили, ради праздничка Христова.... Што мы съ тобой, въ самъ-дѣлѣ, некрещенные разѣ....

— Ступай одинъ, я тебя не держу, отвѣчалъ рисовальщикъ, бородастый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ серьезною фizioноміей и подбитой скулою. — Развѣ ты не видишь, что я науками занимаюсь?

— Друзе, Петръ Карпычъ, ласково уговаривалъ рѣзчикъ, — брось ты эту науку! Што она тебѣ далась! Опрічь вреда, пользы себѣ никакой отъ нея не получишь... Слыхалъ, чай, народу умнаго сколько пропадаетъ отъ книжекъ. Читаютъ, читаютъ, да и зачитаются...

— Ну?

— Ну и спятъ съ ума, да и помрутъ! Помираютъ, больше, скоропостижно... По началу въ головѣ у нихъ кру-

гомъ заходить, потомъ животъ выпреть — и пабашь! Вотъ-те и вся не-долга!

— Молчи! Ты ничего не понимаешь.

— А вотъ увидишь, какъ я не понимаю! Помянешь, братъ, тогда рѣзчика Гарьку, да не пособишь. Жалко мнѣ, Карпычъ, души твоей! Погубилъ ты ее съ эстими книжками.... И рѣзчикъ, какъ бы въ подтвержденіи истины высказанныхъ имъ словъ и въ знакъ сожалѣнія о погибшей душѣ ученаго друга, вздохнулъ и подошелъ къ деревянному шкапчику, стоявшему у печки, изъ котораго досталъ полуштофъ, потрясъ его передъ свѣтомъ и затѣмъ печально поставилъ посудину на прежнее мѣсто.

— Ни капли! проговорилъ онъ съ глубокой тоскою. — Экая жизнь моя, Господи, жаловался рѣзчикъ на свою судьбу: — такой великій праздникъ Господень, — всѣ люди въ радости, а ты, ровно окаянный, сидишь цѣльный день безъ водки и безъ гроша въ карманѣ! А всему причиною жена, — обобрала всю «раздѣлку» и хоть бы полтинникъ какой мужу оставила на гулянье. Да когда жъ ее черти къ себѣ въ когти заберутъ?...

Послѣдовало короткое молчаніе и затѣмъ возгласъ:

— Карпычъ!

— Ну!

— Пойдемъ — выпьемъ!

— Подожди!

— Не могу! Ежели ты другъ мнѣ, кинь свою книжку и пойдемъ. Скоро, поди, ряженные выдутъ, представленья разныя будутъ показывать. Наука твоя при тебѣ останется, послѣ успѣшь — начитаешься, а святки-то пройдутъ и не увидишь.

Рисовальщикъ поднялъ голову, устремилъ на пріятеля глубокомысленный взоръ и, закрывъ книгу, торжественно произнесъ:

— Собирайся!

— Ой-ли? Вотъ другъ-то, такъ другъ! возликовалъ рѣзчикъ. — Ну, какъ тебя за эвто не похвалить? Ученый, братъ, ты человекъ, страсть какой ученый! Я готовъ....

— А что, Гаря, спросилъ ученый человѣкъ съ подбитой скулою у своего друга: — дома бы хорошо зарядиться сначала? Давича водка-то оставалась. Хватимъ-ка по стаканчику!

— Фю-ю-ю! хватился!... Еще утромъ мы съ тобой всю ее покончили. Нешъ ты забытъ?

— Какъ утромъ? Передъ обѣдомъ съ полштофа было....

— Откуда ты это взялъ? тихо засмѣялся рѣзчикъ: — тебѣ ужъ, должно быть отъ наукъ-то отъ твоихъ, представляться стало.... Ни капли нѣтъ! Давича все порѣшили.... Пойдемъ! Вотъ твой картузъ....

— Послушай, Гаврило, сказалъ рисовальщикъ, надѣвая ужа-снаго вида пальто съ неменѣе ужаснымъ собачьимъ воротникомъ: — можешь ты мнѣ на одинъ простой вопросъ отвѣтить?

— Послѣ, Карпычъ, послѣ, торопливо отозвался Гаврило, устремляясь къ двери. — Пойдемъ скорѣе! Не выпивши, ты самъ знаешь, я не могу съ тобой по наукѣ говорить....

— Да ты никогда со мной говорить не можешь: ты ничего, Гаврило, не знаешь, — ты, какъ есть, необразованный мужикъ.

— Будетъ тебѣ, будетъ! Пойдемъ поскорѣе....

Рисовальщикъ Петръ Карпычъ Груздевъ былъ вдовецъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ лишился своей жены и послѣ того ни разу не заявлялъ желанія вторично обзавестись другою жизни. На это у него есть свои причины: во-первыхъ, онъ не могъ забыть, что жена его померла какихъ-нибудь восемнадцати лѣтъ, и что сошла она такъ рано въ сырую могилу единственно отъ мужниной безалаберности и запоевъ, которымъ безпрестанно подвергался въ молодости Петръ Карпычъ; а во-вторыхъ, какъ человѣкъ «ученый» и добросовѣстный, онъ дошелъ продолжительнымъ опытомъ до того непогрѣшимого убѣжденія, что время и ученость нисколько не